

ЭНН ШЕЙХ

**СЕРДЦЕ,
ЗАКАЛЁННОЕ
СТУЖЕЙ**

Энн Шейх

Сердце, закалённое стужей

<https://litres.ru/74215464>

Аннотация

Она — дитя зимы, принесённое выюгой на порог человеческого жилья. Он — обычный парень, умеющий видеть красоту в обыденной простоте.

Их любовь была против правил. Её ледяная суть опасна для него, а людской страх готов растоптать любое чудо.

Теперь им предстоит не только доказать свою правду могущественному Зимобору, но и найти способ остаться вместе, не уничтожив друг друга. Ибо истинная сила — не в борьбе, а в умении принять чужую сущность и сделать её частью себя.

Сказка пишется в рамках литмобы "Наши сказки"

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пролог

В далеких от столичного града краях, затерянных меж лесами, горными хребтами и снежными равнинами все еще верят — суть мироздания держится не столь на добротных бревенчатых стенах изб или же остроты топора, сколь на тонкой, едва ощутимой грани, что веками отделяет Явь от Нави. Студеной зимою эта грань истончается боле всего, точно первый лед на реке, делая тени длиннее, тишину — еще злоеущее, а недобрые слова, даже ненароком оброненные шепотом тяжелее камня на шее...

Оттого то, когда на деревне раздался будоражащий душу вопль, заставляющий от ужаса кровь, леденеть в жилах, старики, побросав дела насущные, начали креститься, а матери хвататься за сердца, пряча своих чад под подолом юбки. То был даже не крик... именно вопль, горловой, панически-истеричный от первобытного страха... такой, что переполошенные жители гурьбой вывали из своих добротных протопленных изб на заснеженную улицу, позабыв про лютую стужу.

Источником сего кошмара был не кто иной, как старейшина Ермолай, первый человек на деревне. Слепорожденный старец, чьи глаза были затянуты бельмом, но внутреннее око ведало куда больше зрячих, вот уже вторую седмицу отказывался и носа показать из своей покосившейся чернеющей

избы, твердя о чем-то своем... Но сейчас он, вцепившись мертвой хваткой в косяк побелевшими от мороза пальцами, стоял на пороге босой, в одной исподней рубаше. Из перекошенного ужасом рта вырывалось чудовищные, полные обреченности выкрики:

— Зимобор восстал... Он ненасытен и зол! Он сживет со света весь род человеческий!

Тем же вечером вся деревня, от мала до велика, собравшись в большой избе для собраний, замерла в предвкушении речей от старейшины, что еще ни разу не ошибался. Спертый от немой тревоги воздух горницы удушал ароматом сушеных трав чабреца да зверобоя бабки Арины, местной лекарки, без сомнения, знающей толк в зельях да наговорах. Она словно безумная окуривала своими травами каждого из присутствующих, шепча наговоры от порчи и лихого глаза. Но этот аромат, казалось, не рассеивал страх, а придавал ему форму, делая еще более осязаемым.

А в красном углу, прямо под ликами святых, смотрящим на людское горе с благочестивым терпением, на почерневшей от времени лавке сидел сам старик Ермолай. Казалось, дни самовольного изгнания, вытянули из него последние крупницы жизни, превращая старейшину из человека в бесплотную оболочку, лишенную души. Однако его устремленные прямо в пустоту слепые глаза не давали остальным и шанса обмануться... каждый из здесь присутствующих чувствовал — старец и сейчас видит нечто неподвластное им,

зрячим.

Скрипучий голос старейшины прорезал давящую тишину горницы, лишая жителей деревни последней надежды на светлое будущее:

— Морозко... Думаете, этот добродетельный дед, что щиплет щечки красным девицам да одаривает своей благосклонностью чистых душою и есть хозяин зимы? Нет! Все вы заблуждаетесь! Есть другой... Могущественней... древнее! Он тот, кто существовал еще до великого Перуна, самого прародителя Рода, и тот, кто будет существовать, когда на земле русской не останется ничего живого. Он – сама первозданная стужа в своей истинной ипостаси, что царила еще до сотворения мира... Зимобор! Чувствую, как сила его пробуждается вновь, множась тысячекратно с каждым днем... что бывает лишь раз в сотню лет. И если он решил явиться... вслед за ним в мир явится дитяте его – Снедич, что принесет гибель всему живому!

Медленно обведя взором своих слепых глаз побледневшие от ужаса лица собравшихся, Ермолай, продолжил уже тише, а оттого еще более ужаснее, заставляя каждого вжимать голову в плечи:

— Не заблуждайтесь... Рождается Снедич не от плоти людской, является он из отблесков первого лунного света на нетронutom снегу, из льдины, что промерзла до самого основания живой водицы окияна, из последнего вздоха духа зимней выюги... Лик дитяти изящен и бесхитростно-невинен,

но глаза... глаза выдают всю власть воли Зимобора! Словно две глубоких проруби в реке Смородине под Калиновым мостом, в этих глазах лишь бесконечная, до самого нискончания веков всепоглощающая пустота... завлекающая в свои сети и несущая лишь смерть.

В добротной бревенчатой избе воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь треском дров да прерывистым дыханием борющихся с ужасом жителей деревеньки, каждый из которых в глубине души мечтал об одном — чтобы их миновала незавидная участь.

Но они не знали, что молиться было поздно... Как не знали и того, что Снедич уже был среди них...

На самом краю этого небольшого поселения, в приземистой одиноко стоящей избушке крепко накрепко запирали ставни ничего не подозревающие Лука и Марфа. Их сердца разрывались на части от страха за тихую, болезную девочку с волосами цвета льняного семени и глазами, в которых мерцала сама вьюга-метелица, которую они случайно нашли прямо у порога в самую беззвёздную студеную ночь года. Укутав девочку в десяток одеял, они пытались согреть ледяную кожу бедняжки, еле слышно шепча молитвы всем известным богам, слова утешения и пугающие своим предупреждением колыбельные... все лишь бы спасти девушку.

Пара, что давно прошла ряд свадебных обрядов, считала сие настоящим чудом... дорогое дитя, ниспосланное свыше. Они и подумать не могли, что приютили в своем доме лю-

тую стужу... Ту, что слепой старец нарек не иначе как началом их общего конца.

Глава 1

Ярмороз... я ненавидела его всей душой! Не сам праздник... нет, зимние забавы с перетягиванием каната, молодецкими играми, раскатистым хохотом и дурманящим дух румяными оладьями и сбитнем, аппетитно плывшими по деревне были мне очень даже по душе... Я ненавидела потребность покидать уединение своей хоть и небольшой, но уютной избушки на окраине, и, подставив спину под испытывающее, колюще своей злобой и завистью взгляды, слышать тот самый, до боли знакомый шепот сплетен, от которых замирало сердце:

— Гляди, ледяная-то наша вон, погреться вышла, — прошипело из-за местами поизносившейся плетени, и мне даже не нужно было оборачиваться, чтобы узнать пропитанный ядовитой желчью голос Мирославы. Женщины, с именем, которое словно было даровано в насмешку самую судьбою...

— Тьфу-тьфу, — трижды сплюнула через левое плечо ее вечная соратница по сплетням Агафья, — как бы не сглазила по дороге. Вечно одна, точно глухая сова на сухом дереве. Никто с ней не водится, не знает... и правильно же делают! От греха подальше! — Перекрестившись, обе старушки еще долго поглядывали мне вслед осуждающими взглядами и не только.

— А я свечение по ночам от ее избы порой вижу, — вторил им громкий третий голос. Это, к моему изумлению, была Анна, дочка мельника, что только начала входит в пору цвета. — Голубоватое такое... не иначе как с нечистью Снежка знается...

От троицы слышалось паническое оханье да аханье, ду-маю, крестились они еще долго. А я лишь глубже, закутавшись в грубую ткань поношенного платка, на котором давеча вышила пару узоров, заставила себя ускорить шаг. Понимая, что сплетницы за слова свои останутся безнаказанными, лишь сильнее сжала своими тонкими бледными пальцами плетеную ручку лукошка, на глубине которого покоились мои творения — не пылающие алыми маками и не усеянные пестрыми глупыми петушками, коими без устали торговала ярмарочная шантрапа... В моих платках и рубахах была сокрыта тихая, вечная музыка зимы: их покрывали хрупкие звезды-снежинки с россыпью непохожих друг на друга лучиков, гипнотические морозные спирали, стилизованные лапы елей, спрятанные под тяжестью алмазной изморози. Но открыто торговать на площади я не могла... Здесь, среди тех, с кем бок о бок росла долгие годы, я была хуже ведьмы — я была чужой... Оттого-то замороженные искусной магией узора, люди, тайно подкарауливая меня в темных переулках, скупали каждое изделие втридорога, не забывая, чьих это рук дело.

«Проклятая» — прорезал тишину шепот девицы, аккуратно

перекладывающей из моей корзины в свою последнюю рубашку. Увидев мои расширившиеся от ужаса глаза, она рванула в сторону так быстро, словно я правда могла послать вслед нечистых.

Стоит ли говорить, что я впрямь изначально была не такой, как все? Леденящий кожу мороз, которого оправданно боялись жители деревни, был моей родной стихией. Не ощущая привычного людям холода, я могла часами бродить по лесу в самую лютую пору просто чтобы послушать успокаивающий душу хрустальный звон мороза. А в мгновения тревожности или же страха со мной приключались и вовсе диковинные вещи, объяснить которые не в силах были и просвещенные умы приезжих. Например, вода в колодце, у которого меня дразнили девчонки и мальчишки, покрывалась толстой ледяной коркой, а на оконных стеклах мгновенно безо всякой на то причины, расцветал причудливый узор из ледяных папоротников, словно от дыхания незримого ледяного духа. Жители деревни видели во всем этом дурное предзнаменование... печать нечистой силы, от которой мне никогда не избавиться.

Единственным щитом от желания жителей деревни изгнать меня были родители, находившие моим «чуждачествам» неправдоподобные оправдания. Родители и он... Ваня.

Переступив порог площади, на которой проходило гуляние, я внутренне сжалась под недобрыми взглядами баб, шептавшихся неподалеку. Но я обещала прийти...

Ваня ждал меня.

Глава 2

Нашу с Иваном первую встречу я хранила в своем сердце словно священную реликвию – тот самый пробуждающий ото сна лучик света, что однажды проник в мое воющее под гнетом ледяных лавин выюгой одиночество, и поселив там щемящее чувство тепла и заботы...

Мне тогда не исполнилось двенадцати... Поздняя осень постепенно окутывала промерзавшую за ночь землю сырым саваном туманов, распространяя повсюду терпкие ароматы прелой листвы, смешивающиеся с уже вполне осязаемым дыханием грядущих холодов. Точно затравленный зверек я в очередной раз спряталась в крутом овраге у замерзшего ручья от преследующих меня детей, таких неосознанно жестоких в своей простоте, что обзывались и швыряли в меня комьями наполовину застывшего ила. Проходившие мимо матери, увидев сию несправедливость, лишь погнали своих драгоценных чад подальше от «проклятой», попутно перешептываясь и крестясь.

До сих пор помню, как мои горькие слезы, катясь по щекам, опадали в глиняную кружку, которую я, словно последнюю возможность спастись отчаянно сжимала. Но, к моему разочарованию, кружка, подверженная силам проклятой девчонки, медленно обрастала тонкой коркой изморози, а вода в ней, что еще секунду назад шла рябью, от любого шо-

роха покрывалась причудливым самопроизвольно рождающимся узором из вереницы ледяных звездочек, срастающихся с тихим хрустом в ажурную гладь.

Я вздрогнула, отбросив кружку от себя как можно дальше, когда тихий, исполненный неподдельного изумления голос прозвучал прямо надо мной:

— Красота-то какая... волшебство, да и только!

Спрыгнув ко мне в овраг, худощавый мальчишка, что всегда опережал в росте деревенских на целую голову, осторожно присел на корточки рядышком. В широко распахнутых глазах Вани, сына пекаря, не было ужаса или осуждения, присущего остальным жителям деревни... в них плескался интерес. Не страшась моего дара, мальчишка подобрал кружку и присел рядышком, глядя то на нее, то меня, словно на диковинные сокровища.

— Как ты это делаешь? — с придыханием произнес он, практически силой впихнув кружку мне в руку. И словно откликнувшись на чей-то зов, из кружки медленно начал расти льдистый росточек, превращаясь в ледяной цветок.

Я зажмурилась, крепче сжав кружку и уже готовая бежать со всех ног, когда Ваня добавил:

— Это же красивей любого стеклянного златоцвета! Можно? — он нерешительно протянул руку в сторону кружки, коснувшись кончиками пальцев острых ледяных лепестков цветка.

А я... я боялась! Откуда мне было знать, как эта сила от-

реагирует на мальчишку... а если... если он коснется и...

Но с Ваней ничего не случилось.

— Значит, ты силу свою отдаешь? — вдруг спросил он, взглянув прямо на меня своими невероятно красивыми золотыми глазами. В этих глазах не было страха или же брезгливости, коими появлялись у других... лишь попытка понять характер сего явления.

Я молча покачала головой, впервые за долгое время, найдя в себе силы, прошептать:

— Нет... я лишь даю силе проявиться. Той силе, что из века в век дремлет в воде... а также камне и дереве.

Удивление на мгновение изменило лицо чересчур любопытного ребенка:

— Значит, ты не колдуешь... Пробуждаешь, — задумчиво потер тонкую переносицу, словно взрослый, Ваня. — Это же все равно что показывать душу самого мира!

Эти слова... этот взгляд, так сильно контрастировали с тем, что я обычно я слышала раньше, отчего новая непрощенная слеза медленно скатилась на щеке, застывая тонкой сосулькой у подбородка.

— Не плачь, — по-доброму, но очень смущенно улыбнулся мальчик, аккуратно убирая сосульку, — Они просто не замечают ничего вокруг себя. Можно мне еще посмотреть?

Одновременно с этими словами он полез за пазуху, что-то долго разыскивая.

— Вот... яблоко! — торжественно произнес он и протя-

нул, предварительно отерев о свой тулуп, спелый фрукт в мою сторону. — Как думаешь, с этим получится?

Обхватив руками алеющий на фоне опавшей листвы да грязи плод, я почувствовала, как сила вновь пробивается из-под пальцев, постепенно обволакивая инеем тонкую кожу и превращая яблоко в хрустальный шар. Ваня захлопал в ладоши, смеясь от восторга.

— Знаешь... а подожди меня тут? — выкрикнул он, и, не дожидаясь ответа, умчался в сторону пекарни со скоростью ветра.

Продолжая сжимать в руках хрустальное яблоко, я осталась сидеть на корточках в овраге у ручья. Сердце мое, словно птица в неволе, билось часто-часто, будто пытаюсь вырваться из груди, пока в голове одна за другой, шныряли недобрые мысли:

«А что, если он не вернется?»

«А что если он осознал, с кем имеет дело и побежал звать помощь на расправу?»

Через время слышались быстрые уверенные шаги. Ваня, запыхавшийся, с шапкой набекрень и сияющими глазами, вернулся. В руке он сжимал небольшой, но с виду очень острый ножик и небольшую деревяшку, уже грубо оструганную по краям, с очертаниями, напоминающими само солнце.

— Дай-ка его сюда, — произнес мальчик, опускаясь на колени, выдыхая белесый пар изо рта.

Передав свое творение в руки Вани, я с изумлением на-

блюдала за тем, как, установив яблоко на деревянный солнцеворот, служивший как, я теперь поняла, подставкой, принялся активно работать ножичком.

Он не бездумно резал фрукт. Осторожно скользя по поверхности, местами углубляясь для повторения созданного самой природой узора, он подчеркивал естественные грани, явственно проявляя последствия моей силы. Под пальцами мальчишки яблоко преображалось, становясь еще более сказочным... еще более совершенным! Казалось, он не создает что-то новое... а лишь пытается помочь раскрыться той красоте, что всегда была внутри, скрытая под гладкой кожицей.

Я затаила дыхание, наблюдая за его работой. В этих движениях уже было далеко не детское любопытство... в них был талант мастера, только познающего грани своего мастерства.

— Ну вот! — наконец выдохнул Ваня и поднял готовую работу на уровень наших глаз. Солнце, пробиваясь сквозь голые ветви деревьев над оврагом с точностью охотника, ударило прямо в отполированный лед, вспыхивая мириадой ярких радужных искр. Деревянный оберег служил сему творению идеальной оправой. — Думаю, оно теперь не растает просто так... ну или не сразу. Держи, эта красота должна быть запечатлена в веках.

Он протянул мне эту невероятную диковинку... Мой дар с его умением, слившимися воедино и запечатленными в веках.

— Спасибо, — смущенно прошептала я, ощущая комок в горле. Впервые, за исключением моих родителей, конечно же, эти слова полетели не в пустоту, а к человеку, который своим равнодушием и добротой действительно их заслуживал.

— Да ладно, — вновь смущенно заулыбался мальчик, потеребив края шапки, — Это я тебе спасибо сказать должен, за то, что чудо позволила узреть... Можно, я еще буду смотреть на сие волшебство?

Я быстро закивала, не в силах вымолвить и слова, прижимая к груди наше совместное хрустальное чудо.

С тех пор мы с Ваней очень сдружились. Он был тем, кто приходил ко мне не как к изгою, а как к хранителю ценного дара, принося с собой все новые и новые веточки, листья... и даже капли воды на ладони.

— Преврати их в зиму, пожалуйста, — затаив дыхание говорил он, усаживаясь рядышком и с восторгом художника наблюдая за тем, как под моими прикосновениями мир замирал в своей, пусть не идеальной, но все хрупкой красоте.

Этот мальчишка стал не просто первым... он был единственным, кто видел в моем проклятии искусство.

Роман участвует в самом сказочном и искренне народном

литмобе «Наши сказки» 16+

Жили-были на просторах Литнета сказители, что любили родную землю всей душой. И задумали они великое дело – оживить старые сказки, да так, чтобы заиграли они новыми красками, но сохранили светлую душу Руси. И понеслись по свету строки о Василисах Премудрых да Иванах-царевичах, о говорящих волках да мудрых воронах, о селениях, где люди живут в ладу с природой, а зло одолевают не силой одной, да умом да честью. А, главное, в каждой истории светится любовь к Отчизне, вера в добро и напоминание: сказки – они не просто были когда-то. Они и сейчас живут в нас, стоит только поверить.

все истории можно прочитать тут: <https://litnet.com/shrt/qS3y>

График выхода наших книг:

12.09 Анна Крылатая **«Мышка-Наружка: Как я в сказку попала, да мышкою стала»** <https://litnet.com/shrt/XuU3>

13.09 Адель Хайд **«Варвара-краса и другие чудеса»** <https://litnet.com/shrt/q-sn>

15.09 Наталья Игнатенко **«Волшебные нити»** <https://litnet.com/shrt/qM15>

17.09 Неждана Дорн **«Иван и царевна: спасти Триде-**

вятое Царство» <https://litnet.com/shrt/Hp3i>

19.09 София Дубовцева **«А ты веришь в сказки?..»**
<https://litnet.com/shrt/s1R1>

20.09 Сева Азим **«Библиотекарь для Кощея»** <https://litnet.com/shrt/Zfb3>

21.09 Ирина Юрьева **«Злата и последний медведь»**
<https://litnet.com/shrt/ZI9z>

24.09 Арина Лефлёр **«Ефрем-богатырь и Любава-краса»** <https://litnet.com/shrt/nBwW>

25.09 Тиро Томое **«Иди дорогой птиц»** <https://litnet.com/shrt/di16>

26.09 Елена Ха **«Сестрица Аленушка, братец Иванушка и богатырь в придачу»** https://litnet.com/shrt/f_SM

27.09 Ольга (Ольга Михайлова) **«Баба Яга (не) против»**
<https://litnet.com/shrt/N59p>

28.09 Ксения Хиж **«Как я в сказке любовь искала»**
<https://litnet.com/shrt/YFVo>

02.10 Антонина Штир **«Спасти тридевятое, или Несмеяна для чуда-юда»** <https://litnet.com/shrt/UZ29>

03.10 Энн Шейх **«Сердце, закалённое стужей»** <https://litnet.com/shrt/cH-7>

04.10 Елена Эйхен **«Василиса Прекрасная и царевич»**
<https://litnet.com/shrt/7azR>

05.10 Стася Вертинская **«Берегиня для ведьмака»**
<https://litnet.com/shrt/nqiM>

06.10 Мария Самтенко

07.10 Ольга Новикова

Добро пожаловать в НАШИ СКАЗКИ!

Глава 3

Празднество на площади уже было в самом разгаре и представляло собой всю широту души людей, рожденных в условиях истинной русской зимы. Режущие ухо звуки гармонии, сплетающиеся в благозвучную мелодию, остервенело перекрикивались гомоном торга: заранее подготовленные прилавки, да привезенные из домов телеги умельцев были доверху набиты предметами чернолощеной посуды, свистулек в виде диковинных зверьков да прочие ремесленные изделия. Ткачихи горловым хором расписывали преимущества о приобретения рубаш, расшитых красно-черными обережными узорами — берегинями да солнечными конями... От лавочек, которые облепили дети мал мала меньше, тянуло свежими блинами с маком, пережаренными орехами и заставляющим от витающей в воздухе сладости прикрыть глаза душистым медом.

Ребятня, словно нестройная стайка только что оперившихся птенцов, с визгом неслась с ледяных горок. Раскрасневшиеся мужики мерялись силой в кулачных боях или же пытались выбить добротный чурбан из мерзлого снега. Самые же лихие молодцы без устали норовили очередной попыткой добраться до трепещущего на ветру заветного приза на высоченном обледенелом столбе. Красные, с ручной выделкой и искусно украшенные вышивкой, сапоги — тако-

вой приз мог стать залогом удачного сватовства как перед сомневающимся папенькой, так и с ужасом поглядывающей на сие действие молодой дивчиной. Девушки, обряженные в свои лучшие платки да ленты, пестрящие на белоснежном снегу, словно живые изящные цветки водили хороводы вокруг соломенного чучела Яромороза в венке из сосуллек, да распевали архаичные обрядовые песенки, восхваляя и призывая добросердечную подругу – весну.

В самом же сердце беснующегося весельем праздника, под восхищенными вздохами толпы сияло главное чудо: целый ледяной садик, рожденный руками Ивана. Хрустальные недвижные лепестки цветов ярко переливалась на зимнем солнце, отбрасывая радужные блики, а диковинные редкие звери из древних сказов, расположившиеся подле этой красоты, словно готовы были тотчас же рвануть со своего места...

Сейчас Ваня мастерил заключительный экспонат и царицу сего чудесного сада – Зимушку-матерь. Обряженная в праздный наряд, огромная статуя, высотой верно с целый терем, горделиво взидала с той недостигаемой для обычного человека высоты на окружающее пространство переполненной площади. Я прямо-таки застыла в тени одного из прилавков, не в силах сдвинуться с места, однако смотрела я вовсе не на скульптуру... я смотрела на него. На то, как играли под кожей, не скрытой теплым тулупом мышцы предплечий, как он в заботливом, практически молитвенном жесте вел резцом

по ледяной глыбе, будто нашептывая ей сокровенные былины о Морозко со снегурочкой, и лед с благодарностью вторил ему, крошась алмазной пылью. Ваня за годы мастерства так и не стал тем, кто бездумно режет по материалу, объясняя свои действия всего-навсего простой помощью по освобождению красоты, которая и так заключена во всем насущном.

Он уже не был тем самым пареньком с ножичком и грубо отесанной снежинкой-подставкой. Годы превратили мальчугана в богатыря с широкими плечами и могучими руками, познавшими как силу топора, так и нежную смертоносность резца. Его лицо, с огрубевшими и сформировавшимися в мужественный профиль линиями вечно обветривалось на морозе, но глаза... Эти глаза оставались все такими же, с искренним восхищением, теплотой и искоркой озорства... Словно почувствовав мой взор, Ваня вскинул голову и резко обернулся, встречаясь со мной взглядами через многочисленную толпу. Время замерло... Шум праздника потонул в гуле бурлящей крови у висков, когда, махнув мне, Ваня приветливо улыбнулся.

Пока он спускался с подмостков, я нерешительно сделала пару шагов из своего укрытия. Сердце отчаянно колотилось, желая выпорхнуть в руки мастера и остаться там навсегда... Каждый сделанный шаг с хрустом утопающих под ногами снежинок давался с трудом, так как я чувствовала брошенные в меня колючие взгляды девушек на выданье, румяных красавиц с тугими косами. Их злые перешептывания

безостановочно жужжали за спиной, обвиняя меня в колдовстве. Других вариантов, чем я, бедная тихоня, могла привлечь внимание пусть не вояки, но все же одного из самых завидных женихов деревни они не могли...

— Снежана! — его окрепший бархатный голос пробился сквозь гомон других голосов, обращаясь ко мне. — А я уж боялся, не придешь! Иди же, полюбуйся, что Русь-матушка, да руки мои смастерили для тебя.

«Для тебя»... Эти слова сладкой истомой тепло обволокли трепещущее сердечко.

— Дивно... — еле слышно выдавила я, вплотную приблизившись к заключительной фигуре чудесного садика, но все же не решаясь поддаться тонкой грани, что отделяла меня от общего веселья.

— Дивно, да не живо, — понурил голову Иван, одновременно поправляя на макушке шапку. Я знала этот скептический взгляд... Редко он был доволен своею работою, ссылаясь на отсутствие мастерства. — Лед то, конечно, и сверкает на солнце точно заморская драгоценность... да... души-то в нем нет, понимаешь? Молчит окаянный, не отзывается здесь... — парень тяжело ударил себя кулаком в грудь, прямо туда, где билось горячее молодое сердце, — Вот... если бы... — он замолчал, глядя на меня тем самым взглядом, который бывал у него, лишь когда парень собирался сделать что-то безумное. — Если бы я для этой статуи мог твои необыкновенные глаза списать! А что? В них и синева

небес, и глубина лесных озер, скованных первым льдом... и вся невысказанная тайна нашей северной земли! Уверен, во всем мире лишь ты одна, моя снежная княжна способна вдохнуть в этот лед настоящую душу!

На последних словах я с ужасом отшатнулась, а в глазах мелькнул неподдельный дикий испуг.

— Что ты молвишь, Ванюша? Не смей... — прошептала, чувствуя, как к сердцу подступает давно позабытый кошмар. — Ежели услышит кто, нам обоим...

Не успела я договорить, как из беснующейся толпы, словно медведи из берлоги, выплыли братья Кузнецовы. Они, также как и Ваня, пробовались в искусстве резьбы по льду, но, к сожалению, их убогие ледяные медведи и корявые снежные крепости не шли ни в какое сравнение с искусно сложенными работами Ивана, отчего черная зависть и злоба множились стократно превращаясь в неконтролируемый поток грязи.

— Что резчик, девку ведьмовку на помощь привел? Небось, чтобы работу твою хвалила, да в рот заглядывала? — громко, на всю площадь, расхохотался старший из братьев, Григорий, глядя на Ваню исподлобья. — Забава твоя только ребятне да бабам глупым по вкусу придется! Настоящий мужик из любого материала оружие да богатырей ваяет, а не стеклянных баб да побрякушки лепит!

Ваня, спокойно отложив резец в сторону, повернулся к Григорию лицом:

— Каждому свой дар дан, Григорий! У кого-то это восхваление силушки богатырской да желания стать мастером среди сильнейших, а кому-то достаточно просто видеть красоту матушки-природы да обличать ее в камне да льде на радость другим.

— Красоту? — Григорий сплюнул трижды через плечо.
— Да я те щас покажу, где место твоей красоте.

В этот самый момент крупный Григорий, размахнувшись со всей дури несколько раз, ударил тяжелым, подбитым гвоздями сапогом прямо по основанию последней скульптуры. Не сразу, но изначально жалобно поющий лед вдруг взревел и раздался оглушительный треск, заставляющий содрогнуться саму землю. Величественная скульптура невероятной по своей красоте женщины дрогнула, после чего с мерзким скрежетом, отломившись от постамента, начала неумолимо медленно рушиться, падая прямо на головы местной ребятни, собиравших с неподалеку располагающегося стола карамельных петушков.

Время замерло... Чей-то пронзительный женский вскрик рассек воздух, побуждая спасти бедных детишек. И один из парней кинулся вперед, заслоняя своим телом ошарашенных ребят от неминуемой гибели. Это был Ваня! Мой Ваня!

— Нет! — только и успела выкрикнуть я.— Ваня, это же верная гибель!

Закрыв от поглощающего липкой волной страха за парня глаза, я вдруг почувствовала, как из самых темных укром-

ных уголков души, куда ни разу не заглядывал луч солнечного света, поднялась черная леденящая мысли волна абсолютного всепоглощающего ужаса... Необузданная сила, древнее самых первых богов в тот же миг вырвалась наружу заставляя воздух вокруг меня зазвенеть так, словно миллионы острых хрустальных копий заходили в яростной смертельной пляске... и налетела метель! Не та обыденная снежная выюга, заставляющая плотнее кутаться в теплый тулуп, а непостижимая в своей горделивой властности сама хозяйшкa-зима, чья слепота и ярость рождались в мгновение ока из моих боли и страха... Лыдый шторм взвился белесым столбом до самых небес, закручивая в нестройный хоровод снежную пыль, ревя и воя будто раненый зверь и ослепляя вставших у него на пути, безжалостно сбывая их с ног. Люди в панике падали навзничь, закрывая глаза. Они не видели, как с оглушительным грохотом часть статуи всё-таки обломилась и глыба льда со скоростью ветра начала падать... рассыпавшись на тысячи осколков прежде, чем достигла земли и окружающих людей. Сама матушка-природа решила вступить за своих детей, отшвырнув всех прочь своей неумолимой, но при этом мягкой рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.